

Некоторые ключевые вопросы (сопоставительного) исследования бедности

Эльзе Эюэн

Считается, что сопоставительные исследования имеют значение сами по себе, что они проливают дополнительный свет на разные формы бедности, ее происхождение, пути борьбы с ней, на то, как люди справляются с бедностью, и на ее последствия.

Однако в основе идеи проведения сопоставительных¹ исследований по этой проблематике лежат реальные положения о бедности, которые не всегда формулируются в явном виде. Одна группа такого рода положений может быть определена следующим образом: 1) бедность может рассматриваться как свойство, присущее всем обществам вне зависимости от различия социальных, экономических и политических структур; 2) различные проявления бедности можно рассматривать всего лишь как разные степени ее проявления, модифицирующиеся в зависимости от проводимой политики и определенных структурных мероприятий; 3) определенные признаки бедности можно обнаружить в любой точке земного шара. Если рассматривать бедность как явление, которое проявляется в разных странах совершенно по-разному, модель проведения сопоставительных исследований бедности будет совсем иной, нежели тогда, когда в основе исследования будет лежать одно из перечисленных выше положений.

Взяв их за основу, мы должны помнить и о других положениях, касающихся обществ разного типа: 1) общества, в ко-

тором нет бедности, 2) общества, в котором бедность существует в известных пределах, и 3) общества, главной целью которого является борьба с существующим уровнем бедности.

Положения последнего типа обычно считаются идеологическими или политическими, каковыми они, без сомнения, и являются. Однако из них вытекают и важные методологические след-

ствия. Более того, они заставляют нас задаться вопросом, не являются ли сопоставительные исследования бедности в чем-то отличными от других сопоставительных исследований в области социальных наук.

В принципе ответ должен быть отрицательным. Но в действительности все оказывается иначе. С одной стороны, поскольку бедность сопряжена с имуще-

ственными правами, закрепленными законом, на формулировку и теоретических, и методологических вопросов бедности оказывают огромное влияние неисследователи (Weinberg, 1985). С другой стороны, представляется, что, горя желанием принести пользу, мы как исследователи оказываемся в этой области менее строгими и в большей степени склонными принять недоказанные положения как само собой разумеющиеся, чем это имеет место в других сферах исследования. В результате появляется огромное количество очень слабых работ по проблеме бедности.

В конце концов недостатки исследова-

Эльзе Эюэн — профессор социальной политики в Бергенском университете (Fastings Minde, N-5027, Bergen, Norway), автор многочисленных книг и статей по социальной политике и проблемам методологии. В настоящее время она является вице-президентом международного Совета по социальным наукам (МОСН) и руководит программой междисциплинарных сопоставительных исследований по проблеме бедности, проводимых в рамках МОСН.

ний по проблеме бедности вступают в противоречие с собственно предназначением этих исследований — помогать бедным. Большинство неудач международных агентств, пытающихся оказывать помощь бедным, происходит из-за отсутствия адекватных теорий оказания помощи.

Измерение бедности

Основные усилия при изучении проблемы бедности как в национальном, так и в сопоставительном аспекте были направлены на то, чтобы дать универсальное или стандартизованное определение бедности. Экономисты разработали традицию исследований, в которой главным показателем бедности служит распределение дохода. В работе Рагглеса (1990) мы находим прекрасный обзор методологических соображений, составляющих фундамент данного подхода. В медицине самым мощным инструментом при сопоставительном изучении на международном уровне является показатель смертности, который использовался для анализа здоровья населения, но постепенно трансформировался в показатель степени бедности.

Другая исследовательская традиция развивалась на основе использования социальных показателей человеческих возможностей как более широкого понимания бедности. Основными примерами такого рода исследований являются проводившиеся в 70-е и практически прекратившиеся в 80-е годы исследования в рамках ОЭСР, а также скандинавские исследования по проблеме образа жизни (Låginkomstutredningen, 1971; NOU, 1976: 28; Hansen, 1978), развивавшие теоретические положения, выдвинутые Т. Маршаллом (1964) и Р. Титмассом (1968). Одно из недавних исследований в рамках этой традиции — вычисление показателя уровня жизни, который складывается из показателя национального дохода и двух социальных показателей — грамотности среди взрослого населения и вероятностных ожиданий продолжительности жизни (Доклад ПРООН, 1991).

Существует и другой метод измерения бедности (Доклад МОТ, 1990) — измеряется количество часов, которые затрачивает человек, чтобы заработать деньги на покупку определенных видов товаров в разных странах и при разных типах занятий.

Общим для всех этих подходов является поиск измерительного инструмента, который позволил бы сопоставлять бедность в разных местах или в разные моменты времени. Наиболее точными, хотя и не вполне адекватными инструментами, являются анализ распределения дохода и показатели смертности. Их основной недостаток — невозможность измерить с их помощью все аспекты бедности. Границы измерения могут быть расширены, если принять во внимание ряд переменных, характеризующих образ жизни. Однако вне зависимости от выбора конкретных переменных использование социальных показателей подвергалось критике с методологических, теоретических и идеологических позиций, часто вполне обоснованной.

Показатель развития человека практически полезен в том смысле, что он основан лишь на такой информации, которая может быть получена как в развитых, так и в развивающихся странах. Бедность в стране часто определяется как низкое выражение соответствующего показателя (среднее для данной нации) при сопоставлении с таким же средним показателем для других стран. В теоретическом плане утверждается, что показатель отражает «хотя и недостаточно отчетливо, каким образом экономическое развитие преобразуется в благосостояние людей» (Доклад ПРООН, 1991, с. 15). В методологическом плане утверждается, что данный показатель «является надежной мерой социально-экономического прогресса» (Доклад ПРООН, 1991, с. 15). Для исследовательских целей было бы полезно расклассифицировать исходные предположения и теоретические основания, которые позволяют данному показателю выступать одновременно в качестве меры бедности, меры преобразования эконо-

мического развития в благосостояние людей и меры прогресса.

Здесь следует остановиться, чтобы задать вопросы по меньшей мере четырех разных типов.

Является ли то представление о бедности, которое имеется у каждого из нас, слишком сложным, чтобы его можно было операционализировать? Может быть, сопоставительное исследование бедности следует осуществлять, принимая во внимание более однородное содержание или более однородный контекст, измеряя те более ограниченные разновидности бедности, которые проявляются в странах, более сходных между собой?

Каким образом удастся согласовать результаты, полученные в квазиконтролируемых экспериментах, неразрывно связанных с методологией, использующей стандартизованные меры для изучения бедности в условиях разных стран? Или же мы находимся на промежуточном уровне, где «многое можно узнать, стоит лишь предъявить факты сходства или различия обществ относительно интересующих нас аспектов» (Smeeding, 1990, с. 161)?

Что именно относительно бедности мы понимаем, используя различные показатели и социальные индикаторы? И чего мы с их помощью не понимаем?

Удалось ли нам создать валидный и надежный инструмент для измерения бедности на международном уровне или мы только начинаем создавать этот инструмент? Исследования, проведенные в различных странах, выявили причины и последствия бедности. Некоторые из полученных результатов противоречат друг другу, иные согласуются друг с другом. Тенденции последнего типа формируют основу для создания показателей и социальных индикаторов. Однако действительно ли мы знаем эмпирические соотношения между разными показателями бедности? Насколько точно мы в состоянии описать теоретические отношения между различными показателями? И в какой степени так называемое «знание», которое выявляют

эти индикаторы, является чисто идеологическим?

Благодаря новым технологиям в настоящее время появляются мощные банки данных, которые дают возможность рассматривать вопросы, представляющиеся до того крайне сложными. Люксембургское исследование по доходам (ЛИД) базируется на одном из наиболее полных из имеющихся источников микроэкономических данных, измеряющих различные формы дохода в нескольких (развитых) странах (Smeeding, 1990). Со временем сюда будут добавлены новые данные, в том числе данные по страхованию. Проблема, которая стоит перед ЛИД,— это, конечно, проблема выбора из огромного количества данных тех переменных, которые должны быть учтены. Можно лишь посоветовать, чтобы этот выбор был теоретически обоснованным, поскольку лишь теории дают осмысленную основу для сбора и обработки данных (Lane, 1990). Однако в основе такого совета лежит предположение, что существуют хорошо разработанные теории бедности,— предположение, которое с полным правом можно подвергнуть сомнению.

Понятие бедности

Дискуссии 80-х годов по поводу того, как следует определять бедность — относительный это феномен или абсолютный, можно ли установить черту бедности объективно, представляет ли бедность собой то же самое, что и неравенство,— все эти вопросы слишком хорошо известны исследователям-социологам, чтобы снова здесь к ним возвращаться (Townsend, 1979; Sen, 1983; Townsend, 1985; Piachaud, 1985; Veit-Wilson, 1987; Walker, 1987; Donnison, 1988; Ringen, 1988). Центральным для этих дискуссий было определение бедности как состояния, вызванного «недостатком материальных ресурсов в течение определенного отрезка времени и в такой степени, что ведение нормального образа жизни и наличие условий жизни, которые являются привычными или по крайней мере по-

опряются или принимаются в обществе, становится невозможным или чрезвычайно затруднительным» (Townsend, 1979, гл. 27).

Если мы хотим использовать это определение в сопоставительных исследованиях, может оказаться полезным дать классификацию переменных и представить определение в более абстрактных терминах. Тогда определение бедности будет выглядеть следующим образом.

X , Y и Z явились причиной недостатка D на протяжении времени T в количестве $M1$, из чего следует, что жизнь A не может быть такой же, как жизнь B , и что $D1$ и $D2$, которыми владеет B или которые одобряет C , равны у A нулю или принимают значение $M2$.

X , Y , Z — силы (процессы, причины, группы людей), создающие или усиливающие бедность.

D — измерение, по которому определяется бедность.

T — промежуток времени.

M — количество.

A — та часть населения, которая считается бедной.

B — та часть населения, которая располагает/владеет тем, чем не располагают/не владеют бедные.

C — та часть населения, которая выражает (полагает), определяет, что A являются бедными или не имеют чего-то, что позволяет называть их бедными.

U , W — последствия бедности.

Определение Таунсенда предполагает казуальное упорядочивание переменных, которое может быть представлено графически.

Приходят в действие соответствующие силы; некоторая часть населения (или даже все население, включая самих бедных) указывает на те конкретные измерения, по которым определяется бедность; видимые признаки бедности становятся заметными; прорисовываются контуры бедной части населения; в итоге возникает феномен бедности, который в свою очередь имеет определенные последствия (рисунки).

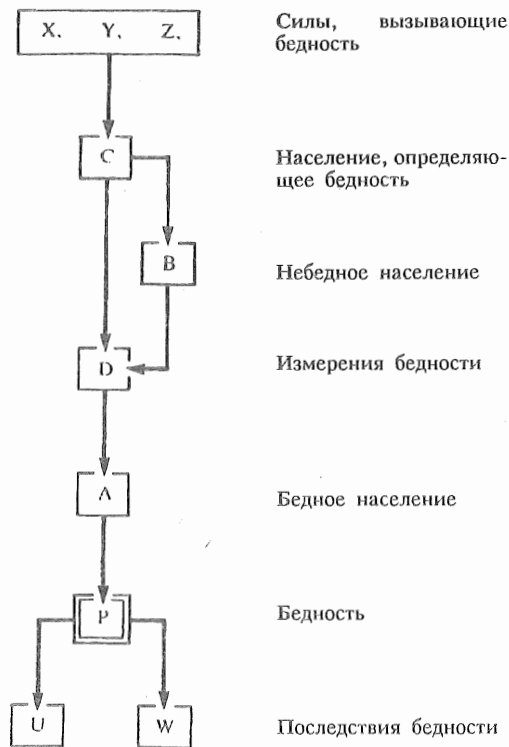

Иллюстрация простой организации бедности

Такой способ рассуждения может быть полезен для уточнения переменных в сопоставительной перспективе, а также для обсуждения проблем теоретического характера.

Являются ли переменные X , Y и Z одинаковыми и для развитых и для развивающихся стран? Или мы имеем дело с совершенно разными казуальными структурами? Нужны ли нам совершенно разные теории для развитых и для развивающихся стран?

Являются ли измерения D , определяющие бедность, одинаковыми в развитых и в развивающихся странах? Если да, то можно ли анализировать различия также в терминах величины M ? Именно в этой области сопоставительного изучения, как видно из обсуждений исследований по индикаторам, выполнялось до настоящего времени наибольшее количество исследований.

Богатые и бедные: скачки в Эскоте. Великобритания, 1981. Джон Старрок/Рафо

Время T тоже неоднозначный аналитический термин, поскольку он может относиться и к историческому времени, и к промежутку времени, в течение которого имело место состояние бедности, и к промежутку времени, в течение которого некоторая часть населения A находилась в состоянии бедности. Поскольку в основе всех теорий бедности лежит предположение об ее усилении, время во всех трех значениях является важнейшей переменной. Однако, как представляется, до настоящего времени изучению соотношения между переменными «время» и «бедность» было посвящено не слишком много исследований, за исключением гипотезы довольно общего характера, состоящей в том, что, чем дольше длится состояние бедности, тем более мощной силой, поддерживающей сохранение этого состояния, оно становится.

Являются ли части населения B и C одинаковыми в развитых и развивающихся странах? Существуют ли какие-либо теории, за исключением теорий элиты, которые позволяли бы сопоставлять содержание категории B — небедных? Знаем ли мы что-либо о механизмах определения, действующих в категории C , которая носит достаточный обобщенный характер, скрадывая культурные различия между развитыми и развивающимися странами? Насколько далеко продвигают нас теории класса, социальной стратификации, наклеивания ярлыков, прилаживания меток и т. п.?

Последствия бедности представляют собой эмпирические факты, к которым мы относимся и как исследователи, и как общественные деятели, и просто как люди. Эти последствия являются результатом процессов, которые исследователи пытаются выявить. Другие переменные рассматриваются и предъявляются лишь для того, чтобы сделать понятным происхождение последствий. Можно ли обсуждать последствия бедности U и W в сопоставительных терминах? Или же эти переменные оказываются содержательно столь различными, что сопоставление оказывается невозможным?

В рассмотренном примере мы использовали одно из определений бедности,

принадлежащее Таунсенду, в качестве эвристического средства для того, чтобы пересмотреть вопрос сопоставления бедности в развитых и развивающихся странах, а также для того, чтобы дать классификацию исследований в зависимости от рассматриваемых проблем причины бедности, исследование бедного населения, последствия бедности и стратегии борьбы с бедностью. Что еще мы можем узнать, проделав аналогичную работу с другими определениями бедности?

Административное определение бедности

Как представляется, рост количества исследований по проблеме бедности в развитых странах, и в особенности в «государствах всеобщего благоденствия», основан на «административном определении бедности». В «государствах всеобщего благосостояния» выделяются специальные группы населения — люди пожилого возраста, нетрудоспособные, безработные, одинокие матери, лица с низкими доходами, многодетные семьи — как нуждающиеся в социальной помощи. Через государственную или муниципальную систему перераспределения доходов эти группы выявляются и определяются как нуждающиеся, бедные, находящиеся в неблагоприятном положении, заслуживающие помощи и т. п. Ярлыки меняются, так же как меняются и критерии распределения. Таким образом, «государство всеобщего благосостояния» *создает* категории бедности. Определения часто являются сугубо практическими и меняются от страны к стране. В государствах Европы возраст выхода на пенсию колеблется в пределах от 55 до 70 лет, тогда как критерии получения пособия по нетрудоспособности варьируют от чисто физической нетрудоспособности до социальной (последняя является скрытой формой пособия по безработице). Ярлык бедности исчезает там, где благотворительность касается всех, и вновь появляется тогда, когда она распределяется на основе проверки нуждаемости или предназначается для определенных групп. Однако ни на

административном, ни на общественном уровне при обсуждении такого распределения слово «бедность» почти не употребляется.

Исследования, в основе которых лежат административные определения бедности, в последнее время получили очень широкое распространение отчасти из-за усиления интереса к прикладным исследованиям, отчасти в результате новых тенденций в области образования, в соответствии с которыми административные науки рассматриваются как университетская дисциплина. Однако исследования, сконцентрированные на изучении лишь той части феномена бедности, которая определяется некоторой распределительной программой (вне зависимости от ее характера: денежного, натурального или медицинского), содержат в себе, с точки зрения наших целей, две классические ошибки (типов I и II): в состав выборки включается часть населения, не относящаяся к числу бедных, и из состава выборки исключается часть населения, относящаяся к числу бедных. Хорошими примерами такого рода служат исследования в области программ общественной безопасности, проектов жилищного строительства и определения черты бедности. Лица, получающие какую-либо социальную помощь, *per se* считаются более бедными, чем остальная часть населения, или по крайней мере более бедными, чем та часть населения, с которой считается справедливым или законным сопоставлять степень их бедности.

Наибольшие затруднения возникают тогда, когда одновременно используется несколько разных административных определений бедности. Взять, например, тот случай, когда черта бедности или размер минимальной пенсии по старости используются также в качестве критерия распределения других социальных пособий: субсидии на жилье, бесплатного проезда на общественном транспорте или преимущественного получения медицинской помощи.

Здесь следует задать по крайней мере две группы вопросов.

Что именно относительно бедности мы можем узнать, используя административ-

ные определения? Насколько хороши эти определения? И если нет, то как мы оцениваем ошибки двух стандартных типов в разных программах? В принципе социальные программы создаются для групп с высоким риском, т. е. предполагается, что в выбранных группах процент людей, нуждающихся в распределении, будет более высоким, чем в других сопоставимых с ними группах. Статистически в группе одиноких матерей, имеющих более чем одного ребенка, вероятность того, что женщине не хватит средств на ведение хозяйства, выше, чем в аналогичной группе замужних женщин того же возраста с таким же количеством детей. Административное определение бедности может быть далее усовершенствовано, если провести в группе тест на нуждаемость, уменьшив тем самым риск ошибки типа I и увеличив риск ошибки типа II. Дальнейшее усовершенствование определения можно получить, добавив критерии физической, умственной и образовательной нетрудоспособности. Способ открыт и может расширяться бесконечно. В эти расширенные административные определения встроены гипотезы относительно того, что создает и поддерживает бедность. Однако какова реальная научная основа некоторых из этих гипотез? Что нам известно о взаимоотношениях между переменными, входящими в состав этих гипотез? Или, быть может, мы слишком беспечно принимаем в качестве инструмента исследования давно установившиеся административные определения бедности (которые, как мы хорошо знаем, сформировались в результате политического компромисса и влияния групп интересов)?

Второй блок вопросов касается полезности административно ориентированных исследований при изучении проблемы бедности. Эти исследования могут быть разделены на две группы. Первая группа посвящена программам как таковым, вторая — потребителям этих программ. Первая группа исследований устанавливала соответствие между развитием программ в области бедности и внешними факторами, такими, как политические силы и

политические партии у власти, рост индустриализации и урбанизации, развитие государства и управления, структура национальной экономики и прямая передача идей и идеологий через континенты. В той ограниченной степени, в которой бедность и социальные проблемы рассматривались эксплицитно, они рассматривались как зависимые переменные, когда-то разьединенные. Предположения о бедности, лежащие в основе сопоставительных исследований, могут трактоваться разными способами: бедность может пониматься как получающая свое выражение через различные программы борьбы с бедностью либо пониматься как явление, постоянное для всех исследуемых стран и, наконец, бедность может пониматься как явление, оказывающее наименьшее воздействие на программы борьбы с бедностью по сравнению со всеми упомянутыми выше факторами. Историки в отличие от политологов и социологов детально описывают условия жизни людей, находящихся в состоянии бедности, связывая эти условия с развитием добровольных и общественных социальных программ в разные периоды времени (Blom, 1991).

В качестве исходной точки исследований, в которых рассматриваются потребители программ, берется административное определение бедности, используемое в некоторой конкретной программе, и рассматриваются вопросы: насколько эффективна данная программа, принимая во внимание заявленную в ней цель, каковы другие результаты данной программы, каким образом использовали программу те, на кого она направлена, какие еще стратегии имеются в распоряжении этих людей помимо данной программы. В исследованиях более общего характера рассматривается также воздействие социального вмешательства в жизнь не только бедных, но и небедных, не принимающих участие в программе, а также в функционировании социальных и экономических институтов.

В принципе программы видоизменяют или облегчают последствия бедности. Как нам удастся теоретически осмыслить столь изменчивые определения бедности?

Каким образом эти программы воздействуют на наше понимание причинно-следственных структур, принимая во внимание, что программы должны выступать в качестве смягчающего средства, призванного противодействовать определенным силам, вызывающим или поддерживающим бедность?

Уместно ли проводить исследования бедности, понимаемой в административном смысле, в развивающихся странах? И можно ли совместить наше понимание воздействия программ по борьбе с бедностью и изменчивое понятие бедности в составе более общих моделей, которые вовсе необязательно рассматривают в качестве целей, стоящих перед развивающимися странами, создание «государства всеобщего благоденствия» и соблюдение индивидуальных прав и свобод? Можно ли вообще извлечь какие бы то ни было уроки сопоставительного характера из начального периода функционирования «государства всеобщего благоденствия» и господства рыночных отношений, предшествовавших созданию социальных программ? Или же эти уроки по своей природе являются стратегически более важными, т. е. позволяют понять, каким образом бедность входит в структуру жизни общества и каковы те обстоятельства, при которых гарантируются социальные права граждан?

Очевидное определение бедности

В основе многих исследований феномена бедности лежит «непосредственное определение бедности», т. е. рассматривается какая-то группа, или категории людей, жизненная ситуация которых характеризуется рядом признаков, позволяющих на интуитивном уровне признать их бедными. Данному определению обязано своим происхождением понятие культуры бедности (Lewis, 1964), а также понятие городской бедноты (Wilson, 1987); оба эти понятия относятся к пространственно ограниченным проявлениям бедности. Антропологи изучали бедность в сельской местности и приходили к выводу, что один географический регион

беднее другого. А исследование, к примеру, стратегий, используемых в борьбе с бедностью, проводилось среди явных бедняков, и никакие определения бедности при этом не использовались (Hundeide, 1991).

Так всегда ли исследователям нужно точное определение бедности? Когда достаточно использовать очевидное определение бедности? А когда очевидное определение является всего лишь способом обойти многочисленные трудности, возникающие при попытках операционализации понятия бедности с учетом выбранных переменных и характерных особенностей, отличающих бедных от небедных? Насколько поддаются операционализации признаки реальной жизненной ситуации, которые мы интуитивно считаем признаками бедности? Каким может быть процент небедных внутри пространственно ограниченной группы людей, которых мы относим к категории бедных, для того, чтобы эту группу можно было все еще считать бедной?

Насколько полезно очевидное определение бедности для сопоставительных исследований? Является ли очевидное определение бедности более чувствительным к культурно-специфическим переменным, поскольку «очевидность» и «интуиция» в действительности возвращают нас к рассмотрению бедности как относительного понятия?

И кто в таком случае должен выносить оценки? Должны ли мы использовать согласованный общий подход или внутринациональную оценку (Tugner, 1987)? Или же в целом условия жизни людей, живущих в трущобах Бомбея, и городского низшего класса Чикаго таковы, что они без всяких сомнений должны быть признаны бедными?

Делались попытки определить и измерить характеристики городской бедноты в Соединенных Штатах. В соответствии с одним из определений, сформулированных в бихевиористских терминах, предлагается считать, что «области крайней бедности с полным основанием можно рассматривать как место концентрации социальных проблем»: здесь часто встре-

чаются семьи, главой которых является женщина, подростки не посещают школу, домохозяйки живут на пособие, молодые мужчины не работают (Ricketts and Sawhill, 1988). В обзоре исследований, посвященных американскому низшему классу, особо подчеркивается, что из числа рассматриваемых переменных основными факторами риска, которые могут привести человека в состав городской бедноты, являются длительное нахождение в состоянии бедности, пожилой возраст, нетрудоспособное состояние и нахождение во главе семьи женщины. Однако бедность на протяжении всей жизни, судя по сообщениям, случай довольно редкий (Ricketts and Sawhill, 1986). Однако будут ли эти переменные значимы при сопоставлении Бомбея и Чикаго, когда мы ввели в рассмотрение различия в структуре семьи, степени безработности и доступности школьного образования?

Авторы работ, на которые мы только что ссылались, независимо друг от друга оценили объем городской бедноты в Соединенных Штатах в пределах от 0,5 до 2 млн. человек. Возможно, здесь неуместен вопрос, насколько в действительности очевидным является очевидное определение бедности? Но еще более важным представляется вопрос, не заводит ли сопоставительное исследование в тупик административная и политическая потребность измерения бедности?

Теория бедности

Не существует одной-единственной всеохватывающей или главенствующей теории бедности и непохоже, чтобы таковая когда-либо появилась. Теории бедности можно найти в составе любой социальной науки, и хотя между всеми этими дисциплинами постоянно происходит взаимный обмен понятиями и идеями, некоторые теории вполне прижились в составе соответствующих дисциплин. Отчасти это происходит благодаря особому методологическому инструментарию этих дисциплин.

Теории могут относиться к глобальному, среднему или микроуровню и варь-

ировать от законченных объяснительных теорий до отдельных теоретических фрагментов. Теории могут касаться понятия бедности в целом, отдельных феноменов, которые, как предполагается, являются причинами бедности (например, безработица), последствий бедности, жизни бедняков, участия общества в борьбе с бедностью и индивидуальных стратегий такой борьбы.

Картина достаточно сложна и становится еще более сложной, когда различные теории называются и описываются по-разному теми учеными, которые используют эти теории, а также теми, кто их не использует.

Тому, кто смотрит на все это со стороны, представляется, что многие теории, поскольку они скроены из специальных научных языков, имеют много общего. Для посвященных некоторые из теорий приобретают статус парадигмы.

К числу основных подходов относятся: теория неравенства, теория распределения ресурсов, теория институтов распределения, теория стратификации, теория классов, неомарксистская теория, теория маргинализации, теория относительного лишения, теория отклонения, теория доступности, теория пола, теория социального изменения, теория развития, теория модернизации, теория экономического роста, теория культуры бедности, теория преодоления бедности.

Не вызывает никаких сомнений то, что все эти подходы позволяют получить некоторое представление о бедности. Поэтому основная проблема видится в создании такой интеллектуальной среды, в которой можно было бы более систематически оценить сильные и слабые стороны различных теорий, а также взаимоотношения между теориями. Нужен ли нам для достижения этого единый словарь? Или нам нужен лишь более точный словарь с ясно определенными понятиями и четко заданными отношениями между переменными? Или же необходимо обновить основы различных дисциплин, прежде чем обсуждение теорий можно будет перенести в некую общую междисциплинарную, межкультурную и межпарадигмальную сферу?

Понятие бедности как свою эмоциональную и идеологическую собственность рассматривают представители самых разных общественных групп, и языки при этом используется как средство выражения чувств, возникающих по отношению к социальным болезням. Язык, на котором говорят политические деятели, творцы политики и ее исполнители, общество и средства массовой информации, смешивается с языком, на котором говорят исследователи, занимающиеся проблемой бедности, и совершенно очевиден переход к теоретизированию на темы бедности. Ситуация складывается таким образом, что иногда оказывается крайне трудно классифицировать факты или вести теоретическое обсуждение, поскольку понятия считаются входящими в общий словарь, тогда как на самом деле этого может и не быть. И если такой подход доминирует в исследованиях по проблемам бедности, то наше культурное наследие является серьезным препятствием для функционирования аналитического мышления. Следует разработать словарь, специально предназначенный или хотя бы более подходящий для анализа проблемы бедности.

Можно начать с попарного сопоставления различных теоретических подходов, систематически задавая вопросы, каковы реальные теоретические отношения между ними. Содержат ли они одинаковые понятия, и одинаково ли определены эти понятия? Содержат ли они одинаковые гипотезы, и одинаково ли сформулированы эти гипотезы? Что нового можно узнать и что можно по-новому представить, опираясь на замеченные различия? И хотя все это выглядит как скучное упражнение, другого способа построить надежные основы теории не существует.

Трудности возникают тогда, когда нет единого теоретического каркаса, а есть лишь несколько основополагающих идей, как это происходит, например, в случае с теориями развития (Todaro, 1977, с. 51).

Теории удачно ложатся не только в контекст той или иной дисциплины. Они, как представляется, бывают удачно

встроены в определенные уровни анализа и тем самым отделяют микропроблемы от проблем среднего и высокого уровня. Так, например, Сэрбэ демонстрирует, что совокупное поведение микроединиц не в состоянии отразить динамику, поскольку микроединицы «частично аннулируют друг друга, частично уничтожают друг друга, частично стимулируют и усиливают друг друга» (Сэрбэ, 1987, с. 11). Нетрудно найти и другие примеры. Каким образом теории маргинализации включают в себя знания из области теорий преодоления бедности? И каким образом теории институтов распределения согласуются с феноменологическим подходом к описанию повседневной жизни бедняков и опыта их существования в условиях бедности?

Одна из важнейших проблем будущих исследований — это, несомненно, установление теоретических связей между различными уровнями анализа.

Последствия бедности

Бедность — это обобщенное наименование множества разнородных последствий, вызванных как определенными, так и неизвестными силами (природа которых в разных теориях трактуется по-разному). С одной стороны, существуют драматические последствия, столь подробно описанные в произведениях художественной литературы и в работах по социологии, которые касаются каждого отдельного человека, каждого отдельного хозяйства. С другой стороны, есть последствия, касающиеся сообществ людей и всего общества в целом, которые по своему не менее драматичны. Не вызывает сомнения, что бедность угрожает стабильности и социальной структуре развивающихся стран. Так, в соответствии с прогнозами в Шри-Ланке ожидалось общественные беспорядки, когда в результате вмешательства Международного валютного фонда было сокращено хоть и скудное, зато гарантированное благотворительное снабжение (Rupesinghe, 1986). Гораздо более удивительно, что последствия бедности уг-

рожают одной из богатейших стран мира — Соединенным Штатам. «То, каким образом культура разрастающегося низшего класса подрывает производительные силы, семейную жизнь, социальную интеграцию и, наконец, политическую стабильность в стране, представляет собой огромную проблему» (Peterson, 1991, с. 9).

20 лет назад Герберт Ганс (1973) написал чрезвычайно содержательную работу о функциях бедности. К сожалению, в центре последовавшей затем дискуссии оказался в основном функционализм, а вовсе не бедность. Если оставить в стороне функциональный подход, то 15 функций, выделенных Гансом, могут с одинаковым успехом рассматриваться как 15 последствий бедности.

В работе Ганса теоретическая зависимость между бедными и небедными представляется как очень тесная. Основная идея работы заключается в том, что бедность заставляет людей заниматься определенными типами деятельности, поскольку никаких других возможностей у них не осталось. Данное обстоятельство в свою очередь освобождает небедных от занятий этими видами деятельности или предоставляет небедным некие преимущества, которых у них в противном случае не было бы. В рамках существующей экономической и социальной организации (развитых) стран некоторые из этих видов деятельности необходимы для должного функционирования обществ. Отдельные виды деятельности можно рассматривать как символические, и в разных странах они могут иметь разную значимость. Зато другие виды деятельности служат для того, чтобы провести границу между бедными и небедными. Бедные, к примеру, скорее всего будут выполнять грязную работу и работу по обслуживанию, которой избегают небедные. Обычно такие работы дают также низкий доход. Бедные скорее всего будут покупать подержанные вещи и продукты низкого качества, продлевая тем самым экономическую полезность продуктов. Бедные скорее всего будут пользоваться услугами второстепенных докторов, адвокатов, учителей (которых избегают не-

бедные), усиливая тем самым их профессиональную полезность. Политическое бессилие бедных легко превращает их в исполнителей, осуществляющих экономические и социальные преобразования, такие, как реконструкция городских центров и индустриализация. С символической точки зрения, бедные способствуют поддержанию законности господствующих норм, поставляя примеры отклонения от них. Бедные также играют роль символа, входя в состав различных политических групп или выступая в качестве их противника; при этом в действительности они в политике не участвуют и их мнением никто не интересуется. Уже сам по себе акт отграничения бедных от небедных дает возможность гарантировать статус небедных. Дети из бедных семей скорее будут терпеть неудачу в системе образования и на рынке труда, обеспечивая тем самым относительное преобладание среди преуспевших представителей небедных слоев и способствуя их вертикальной мобильности.

Свой титанический труд, посвященный проблемам бедности, Таунсенд заключает шестью рекомендациями по «эффективной борьбе с бедностью». Первые две рекомендации — это отмена чрезмерного богатства и чрезмерных доходов (Townsend, 1979, с. 926). Тем самым основной акцент переносится с бедных на небедных и подчеркивается, что образ жизни богатых играет важную роль в определении бедности и образа жизни бедных.

В своем анализе проблемы голода Сен (1982) отчетливо показал, что бедность таит в себе угрозу для небедных и что в интересах последних избежать чрезвычайной массовой бедности.

Индекс удовлетворения основных потребностей, разработанный Коэном, включает индекс излишеств как меру избыточного потребления (Cohen, 1986, с. 111). Внимание, таким образом, обращается на тех, кто может позволить себе потреблять, в результате чего чрезмерное потребление происходит за счет тех, кто не может себе этого позволить.

Здесь возникает несколько групп вопросов. Во-первых, дает ли исследование

проблемы бедности более важные результаты, если изучаются социальные, а не индивидуальные последствия бедности? Каковы эмпирические соотношения между последствиями бедности на индивидуальном и на социальном уровне? Насколько продвигают нас теории бедности, если акцент перемещается с одного уровня на другой?

Во-вторых, дают ли исследования бедности на настоящем этапе более существенные результаты, если объектом изучения является небедное население? Можно ли изучать бедных и небедных отдельно друг от друга? И что дают нам теории бедности, если акцент исследования перемещается с бедного населения на небедное? В этом пункте обсуждение может быть расширено, если в качестве объекта исследования рассматривать не отдельные группы в составе населения, а целые нации. В этом случае в фокус попадают сложные взаимоотношения между бедными нациями и небедными нациями, и таким образом, исследование небедных наций входит в качестве естественной составной части в глобальную проблему изучения бедности.

Третий комплекс вопросов касается дифференциации последствий. Какие последствия являются «наиболее важными», для кого они важны и в рамках чего рассматривается их важность? Если рассматривать проблему с точки зрения пола, то последствия крайней бедности оказываются более суровыми для женщин (Rose, 1986; Cass, 1988). С точки зрения поколений последствия крайней бедности сильнее всего сказываются на детях и пожилых людях (Cass, 1989; FAO, 1990). Однако в некоторых типах экономики эти группы вносят наименьший вклад в официальную национальную экономику, представляя собой источник потери людских ресурсов главным образом для экономики с избытком рабочей силы.

Нарисованная нами картина выглядит довольно просто, чтобы сосредоточиться на основных проблемах, мы полностью оставили в стороне обсуждение последствий бедности как самостоятельной причины, вызывающей бедность, которая, добавляясь к другим многочисленным

причинам бедности, усиливает ее последствия и поддерживает состояние бедности в семье, в части общества, во всем обществе и, возможно, даже в поколениях (Shlonsky, 1987).

Представляется, что здесь перед нами возникает двойная проблема — систематизировать комплекс разнообразных и взаимозависимых последствий, одновременно классифицируя понимания этих последствий, разработавшиеся в рамках различных теоретических подходов.

Заключительные замечания

Изучение бедственного положения других людей всегда приводит исследователя в ту область, где грань между этическим и неэтическим поведением является чрезвычайно тонкой². В некоторых из развивающихся стран бедность настолько ужасающа, а количество сложных и запутанных проблем беднейших стран настолько велико, что даже титанические усилия исследователей могут иметь слишком незначительное воздействие или вообще не иметь никакого. Поэтому мы вправе задать вопрос, справедливо ли придавать такое большое значение теоретическим вопросам, когда столь многое должно быть сделано? И не следует ли тем, кто занимается сопоставительными исследованиями проблемы бедности, предпочесть прикладные исследования, сконцентрированные на сиюминутных проблемах?

Однако, как нам теперь стало известно, социологи чрезвычайно активно участвовали в программах помощи развивающимся странам, многие из которых трудно назвать успешными. Их анализ и концептуальные инструменты как теоретически, так и политически оказались неадекватными (Galderon and Piscitelli, 1990). Если теоретическая социология, включая и теории бедности, оказалась слишком слабой, чтобы давать полезные советы, то наилучшим вкладом в этом случае будет создание более адекватной теории, которая должна предшествовать практическим действиям.

Чрезвычайно важно предложить такой

базис исследования многочисленным «внешним» действующим лицам — политикам, администраторам, представителям международных организаций, добровольным организациям и средствам массовой информации. Все настаивают на быстром ответе, ограниченном количестве переменных, которые поддавались бы политическому управлению и легкому доступу к упрощенному анализу. И каждый сулит награду, будь то наличностью или натурой. Все это понятно — «внешние» действующие лица всего лишь делают свое дело. Однако такое давление находится в противоречии с долгосрочными интеллектуальными усилиями, которые, как представляется, должны быть вложены в исследование бедности.

В настоящей работе мы намеренно не обсуждали конкретные направления и стратегии, направленные на сокращение бедности, такие, как участие общества, и другие программы, предназначенные для борьбы с бедностью. Многие исследования провалились, поскольку стратегии выбирались на основе априорных соображений, тогда как основной упор следовало бы делать на понимании теории, лежащей в основе выбора стратегии, классификации эмпирических данных, на которых теория основывается, и изучении того, как определяется и операционализируется бедность. Если стратегия признается успешной, то основная задача должна заключаться в классификации тех измерений успеха и выяснении того, в каких рамках стратегия оценивается как успешная.

Мы поставили перед собой задачу задавать вопросы, а не давать на них ответы. Не будучи специалистом в области исследования бедности, автор действовал с более общих позиций социологии в целом. Уязвимость такого положения очевидна. Преимущество же состоит в неприсоединении к какой бы то ни было парадигме или методологическому подходу и в дистанцированности неангажированного наблюдателя, поскольку в исследовании проблемы бедности, как и во многих других областях, мультипарадигмальный подход может в конце концов оказаться наиболее жизнеспособным.

Примечания

Автор хотел бы поблагодарить Центр исследований в области социальной политики университета Нового Южного Уэльса (Сидней, Австралия) за предоставленное ему помещение, возможность пользоваться библиотечными фондами и великодушное отношение коллег, сопровождавшее его на протяжении всей работы над статьей. Первый вариант текста был положен в основу семинара на тему «Будущее международных исследований по проблеме бедности», проходившего в сентябре 1991 г. в Бергене (Норвегия). Организована группа исследователей, работающих в области сопоставительных исследований бедности, и заинтересованные лица могут обратиться за дополнительной информацией к Стивену Миллзу, помощнику Гене-

рального секретаря международного Совета по социальным наукам (Unesco House, 1 rue Miollis 75732 Paris Cedex 15, France).

1. Мы не будем поднимать здесь сложный вопрос об использовании «страны» в качестве единицы анализа в сопоставительных исследованиях, см. (Teune, 1990).

2. CROP занят подготовкой симпозиума, посвященного этическим вопросам, сопутствующим исследователям, занимающимся проблемой бедности и созданием интеллектуального климата, который бы позволил специалистам из бедных стран участвовать в подобного рода мероприятиях, находясь в симметричных отношениях с учеными из небедных стран.

Библиография

- Andersen J., Larsen J. E.* Fattigdom i velfærdsstaten. København: Samfundslitteratur, 1989.
- Andersen J., Henriksen J., Larsen J. E., Abrahamsen P.* Fattigdommens sociologi. Sociologisk Institut. Københavns Universitet, 1987.
- Atkinson A. B.* The Economics of Inequality. Oxford: Oxford Univ. Press, 1984.
- Atkinson A. B.* Poverty and Social Security. Harvester Wheatsheaf, 1989.
- Atkinson A. B.* Comparing Poverty Rates Internationally: Lessons from Recent Studies in OECD Countries. Suntory-Toyota International Centre for Economics and Related Disciplines. L.: School of Economics, 1990.
- Blom I.* Oral report on studies of widowhood in Norway, 1991.
- Anti-Poverty Policy in the European Community//Ed. Brown J. C. L.: Policy Studies Institute, 1984.
- Calderon F., Piscitelli A.* Paradigm Crisis and Social Movement: A Latin American Perspective//Øyen E. Op. cit.
- Cass B.* The Feminization of Poverty//Crossing Boundaries — Feminism and the Critique of
- Knowledge/Eds Caine B., Crosz A. A. Lepervanche. M. de. Allen & Unwin, 1988.
- Cass B.* Children's Poverty and Labour Market Issues: Confronting the Causes//Child Poverty//Eds Edgar D., Keane D., McDonald P. Allen & Unwin, 1989.
- Cohen S.* A Comparative Study of Needs and Their Satisfaction//Bull. European Association of Development Research and Training Institute. 1986. No 1.
- Dean M.* The Constitution of Poverty: Toward a Genealogy of Liberal Governance. L.: Routledge, 1991.
- Donnison D.* Defining and Measuring Poverty. A Reply to Stein Ringen//J. of Social Policy. 1988. V. 17. No 3. P. 367—374.
- Duncan G. J. et al.* Years of Poverty. Years of Plenty. Univ. of Michigan, 1984.
- Dynamics of Deprivation/Eds Ferge Sz., Miller S.M. L.: Gower, 1987.
- Flik R. J., Van Praag B.M.S.* Subjective Poverty Line Definitions. Rotterdam: Erasmus Univ., 1990.
- Gans H.* The Positive Functions of Poverty//Amer. J. of Sociology. 1973. V. 78. No 2.
- George V.* Wealth, Poverty and Starvation. An International Perspective. N. Y.: St. Martin's Press, 1988.

- Germani G.* Marginality. Transaction Books, 1980.
- Hagenaars A. M.* The Perception of Poverty. Elsevier Science Publishers, 1986.
- Hansen E. J.* Fordelingen av levekårene. Bd. 1. Copenhagen: Socialforskningsinstituttet, 1978.
- Hansen E. J.* The Concept and Measurement of Poverty. Copenhagen: Social forskningsinstituttet, 1989. No 29.
- Haveman R.* The War on Poverty and Social Science Research, 1965—1980//Research Policy. 1986. No 15. P. 53—65.
- Henrichsen K.* Den internasjonale fatigdomsforskningen. Et potensial for norsk forskning og sosialpolitikk? Helse og sosialpolitikk, Universitetet i Bergen, 1990.
- Poverty, Progress and Development/Ed. Henry P.-M. Kegan Paul International/UNESCO, 1991.
- Hundeide K.* The World of Slum-Dwellers: manuscript, Univ. of Bergen, 1991.
- Bangladesh Faces the Future/Ed. Koht Norbye O.D. Dhaka: Univ. Press, 1990.
- Lane J.-E.* Data Archives as Instruments for Comparative Research//Øyen E., 1990.
- Liebfried S.* Comments of the paper «Young workers in Germany» by Franz Hiss et al., P., 1991.
- Liebfried S.* Towards a European Welfare State? On the Integration Potentials of Poverty regimes in the EC. Draft. Bremen Univ., 1991.
- Lewis O.* The Children of Sanchez, Penguin Books, 1964.
- Lind N.* Safety Management and Social Progress, Institute for Risk Research. University of Waterloo. Låginkomstutredningen. Stockholm: Arbetsgruppen för låginkomstfrågor, 1971.
- Marshall T. H.* Class, Citizenship and Social Development: Essays. N. Y.: Doubleday, 1964.
- Marshall T. H.* Poverty or Deprivation?//J. of Social Policy. 1981. V. 10. No 1. P. 81—87.
- Myrdal G.* The Challenge of World Poverty. A World Anti-Poverty Program in Outline. N. Y.: Vintage Books, 1971.
- NOU 1976: 28. Levekårsundersøkelisen. Sluttrapport, 1976. Comparative Methodology. Theory and Practice in International Reseach/Ed. Øyen E. Sage, 1990.
- Comparing Welfare States and Their Futures/Ed. Øyen E. Gower, 1986.
- Peterson P. E.* The Urban Underclass and the Poverty Paradox//Jencks C., Peterson P. E. The Urban Underclass. Washington D. C.: Brookings, 1991. P. 3—27.
- Plachaud D.* Problems in the Definition and Measurement of Poverty//J. of Social Policy. 1987. V. 16. No 2. P. 147—164.
- Rainwater L.* Poverty and Equivalence as Social Constructions. Working Paper 55, Luxembourg Income Study. August, 1990.
- Ricketts E. R., Sawhill J. V.* Defining and Measuring the Underclass//J. of Policy Analysis and Management. 1988. V. 7. No 2. P. 316—325.
- Ringen S.* Direct and Indirect Measures of Poverty//J. of Social Policy. 1988. V. 17. No 3. P. 351—365.
- Poverty/Eds. Roach J. L., Roach J. K. Penguin, 1972.
- Rose H.* Women and the Restructuring of the Welfare State//Øyen E. Op. cit., 1986.
- Ruggles P.* Drawing the Line. Alternative Poverty Measures and Their Implications for Public Policy. Washington: The Urban Institute Press, 1990.
- Ruggles P., Marton W. P.* Measuring the Size and Characteristics of the Underclass: How Much Do We Know? Mimeo. The Urban Institute. Washington, D. C., 1986.
- Rupasinghe K.* The Welfare State in Sri Lanka//Øyen E. Op. cit.
- Saunders P., Whiteford P.* Measuring Poverty: A Review of the Issues. Economic Planning Advisory Council. Australian Government Publishing Service, Canberra, 1989.
- Saunders P.* An Ever Rising Tide? Poverty in Australia in the Eighties//The Australian Economy under Labor/Eds Kearney C., Mahoney G., 1991.
- Sen A.* Poverty and Famines. An Essay on Entitlements and Deprivation. L.; Oxford Univ. Press, 1982.
- Sen A.* Poor, relatively speaking//Oxford Economic Papers. 1983. No 35. P. 153—169.
- Sen A.* A Sociological Approach to the Measurement of Poverty: A Reply to Professor Peter Townsend//Oxford Economic Papers. 1985. No 37. P. 669—675.

- Shlonsky H.* Selection into Poverty: A Re-examination of the Intergenerational Cycle of Poverty//*Ferge Z., Miller S. M.* Op. cit.
- Poverty, Inequality and Income Distribution in Comparative Perspective: Luxembourg Income Study (LIS)/Eds Smeeding T. M., O'Higgins M., Rainwater L. Washington: Urban Institute Press, 1990.
- Smith D. E.* Textually Mediated Social Organisation//*Internat. Social Science J.* 1984. No 99. P. 59—75.
- Сорбэ G.* Has the World Bank Abandoned its Focus on Poverty Alleviation? Centre for Development Studies, University of Bergen, 1987.
- Tendulkar S. D.* Strategies for Reducing Economic Inequalities and Alleviating Poverty. An Indian Perspective. Delhi School of Economics, 1982.
- Teune H.* Comparing Countries: Lessons Learned//*Øyen E.* Op. cit.
- Titmuss R. M.* Commitment to Welfare. L.: Allen & Unwin., 1968.
- Todaro M. P.* Economics for a Developing World. Longman. 1977.
- Townsend P.* Poverty in the United Kingdom. A Survey of Household Resources and Standards of Living. Penguin, 1979.
- Townsend P.* A Sociological Approach to the Measurement of Poverty — a Rejoinder to Professor Amartya Sen//*Oxford Economic Papers.* 1985. No 37. P. 659—668.
- Townsend P.* Deprivation//*J. of Social Policy.* 1987. V. 16, No 2. P. 125—46.
- Turner R. H.* A Comparative Content Analysis of Biographies//*Øyen E.* Op. cit.
- Veit-Wilson J. H.* Paradigms of Poverty: A Rehabilitation of R. S. Rowntree//*J. of Social Policy* 1987. V. 15. No 1. P. 69—99.
- Walker R.* Consensual Approaches to the Definition of Poverty: Towards and Alternative Methodology//*J. of Social Policy.* 1987. V. 16. No 2. P. 213—226.
- Wearing M.* The Documentation of the Poor: Surveillance and Control in the Welfare Agencies. PhD University of New South Wales, Australia, 1989.
- Weinberg D. H.* A Poverty Research Agenda for the Next Decade. Univ. of Wisconsin-Madison, 1985.
- Wilkinson R. G.* Class Mortality Differentials, Income Distribution and Trends in Poverty 1921—1981//*J. of Social Policy.* 1989. V. 18. No 3. P. 307—335.
- Wilson W. J.* The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass, and Public Policy. Univ. of Chicago Press, 1987.
- The Perception of Poverty in Europe in 1989. Poverty 3. Eurobarometer. Commission of the European Communities. 1990.
- Human Development Report 1991. The United Nations Development Programme. Oxford Univ. Press, 1991.
- ILO. Bulletin of Labour Statistics, 1990.
- World Commission on Environment and Development. Our Common Future (The Brundtland Report). Geneva, 1987.